

ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

АНИШЕВА, Анатолия Исаевича,от 30 декабря 1934 года.

На поставленные мне следствием вопросы дополнительно показываю:

1. На что ставила ставку контр-революционная зиновьевская организация, как в Москве, ее московский центр, так и наша ленинградская контр-революционная организация?

Не на победу социализма, так как всякий успех социалистического строительства в СССР отдалял и делал все более проблематичным ожидание быть снова привлеченным к руководству.

Для нас всех было ясно, что никакой положительной программы у нас нет. Ее даже и не пытались выработать, прикрываясь, как это делал, напр., ГЕРТИК в разговоре со мной и НАТАНСОН, что, не будучи у руководства - нельзя и выработать такой программы.

Ставка была на трудность, на поражение Сов. власти. Это была изменническая ставка на крестьянское восстание, на недовольство рабочего класса, на поражения коммунистических партий на Западе и т.д..

Троцкистский тезис о Клемансо не сошел со сцены.

Именно ставкой на поражение Сов. власти были предательские разговоры о том, что насильно загнанное в колхозы крестьянство, в случае войны, не пойдет защищать Сов. власть.

Это положение совершенно ясно формулировалось ЕЛЬКОВИЧЕМ, (приезжавшим для связи с ленинградской организацией после дела ЗИНОВЬЕВА-РЮТИНА), являясь несомненно установкой не только ЕЛЬКОВИЧА, но и тех, у кого ЕЛЬКОВИЧ получал директивы и установки, т.е. руководящего центра зиновьевской организации.

Рассказы о голоде на Украине, рассказы о том, что на Сев. Кавказе выселяются целые деревни, рассказы о крестьянских восстаниях (ЕЛЬКОВИЧ) - все это подхватывалось, раздувалось, так как это могли делать только прямые контр-револю-

ционеры, именно этим путем ожидающие исполнения своей задачи - вернуться к руководству.

Мой рассказ о том, что на свекловичных плантациях на Украине завелись волки имел место на "чаепитии" у БАКАЕВА летом 1932 года, где кроме БАКАЕВА и КОСТИНОЙ были я, ЕЛЬКОВИЧ и ГЕССЕН. Этот рассказ был подхвачен как показатель того, что руководство не в состоянии справиться с организацией колхозного производства.

Рассказы РУМЯНЦЕВА о якобы провалах займовой кампании (начало 1933 года) так же, как и информация САФАРОВА (в 1932г. у него на квартире) о волне забастовок - все это воспринималось как факты, подтверждающие правильность нашего положения о неизбежном крахе руководства. А этого краха ждали с нетерпением, так как другого пути вернуться к руководству - это для всех нам было ясно - нет.

Раздувание слухов о восстаниях и забастовках, о провалах на хозяйственном фронте сопровождалось слухами о разногласиях в ЦК.

В этой контр-революционной, изменческой атмосфере ожидания краха политики коллективизации, краха хозяйственного строительства, краха Коминтерновского руководства и внешней политики мы вращались все это время.

2. Совершенно естественно, что стремление блокироваться с кем бы то ни было против ЦК, против партии, вытекало из той контр-революционной позиции, на которой мы находились.

Отсюда попытка блокироваться с правыми (29г.-32г.). Со слов НАТАНСОН я думаю, что, кажется, в конце 32 года были встречи с троцкистами (СМИРНОВ И. Н.).

БАКАЕВ и КОСТИНА бывали на квартире у троцкиста УФИМЦЕВА. У УФИМЦЕВА (у С. СЕМАШКО - жены УФИМЦЕВА) ночевала незадолго перед арестом УФИМЦЕВА, НАТАНСОН (в начале 1933 года).

Сведения об арестах и ссылках троцкистов (СМИРНОВ, УФИМЦЕВ и другие)

- 3 -

воспринимались совершенно так же, как и аресты членов нашей организации т.е. с контр-революционным озлоблением против руководства партии, против ГПУ.

Написано мною собственноручно - АНИШЕВ

ДОПРОСИЛ: НАЧ 1 ОТД СПО ГУГБ - ЛУЛОВ

В е р н о: